

ТАЙНЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

(РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПУТЯХ ЗЕМНОЙ И ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ ХРИСТИАНИНА)

Быстро и незаметно протекает земное странствование человека. И хотя он постоянно находится в труде и всеми силами пытается продлить свою жизнь на земле, однако приход его смертного часа всегда неизбежен.

Жизнь и смерть в человеческом роде весьма тесно связаны между собой. Даже самые понятия жизни и смерти неотделимы друг от друга, ибо ценность жизни понятна только при наличии смерти, а ужас смерти очевиден только при наличии жизни. И это не на словах только и не в понятиях, но и в самой действительности.

Человек рождается не только для того, чтобы умереть, но и умирает для того, чтобы жить вечно. Поэтому временную земную жизнь христианин должен рассматривать как свособразную подготовку к переходу в вечность. Время земной жизни святитель Тихон Задонский уподобляет, например, пути, по которому идет каждый человек от рождения до смерти¹.

Бог определил каждому человеку продолжительность его земной жизни, но эта тайна сокрыта от людей. Поэтому кончину может ожидать человек в любое время: в младенчестве, в отрочестве, в юности, в зрелом возрасте или же в старости.

Вначале Бог сотворил человека только для жизни; но человек, поддавшись влиянию злого духа, отступил от Бога, за что услышал Божий приговор: земля еси и в землю отыдеши (Быт. 3, 19). После этого Господня изречения в существо человека вошла смерть.

Грех поразил не только душу, но и тело человека, которое было бессмертным и которое после грехопадения стало подвержено смерти и тлению. Но именно через эту телесную смерть Господь снова указал человеку путь к жизни. И если жизнь человека была отдалена от Бога преградой грехопадения, то цель творения осталась прежней. Грех не мог полностью разрушить предопределение Божие. Дьявол был побежден крестной смертью Спасителя мира. Крестная смерть Иисуса Христа возвратила человека снова к дереву жизни. В свете всего вышесказанного становится понятной извечная тайна жизни и смерти человека, смысл его бытия на земле.

¹ Творение иже во святых отца нашего Тихона Задонского, т. 2. М., 1898—99, стр. 237.

Забывая порой высокое предназначение земной жизни, смысл своего бытия на земле, человек стремится найти счастье и на земле. Светлые, радостные минуты посещают человека на всех этапах жизненного пути: в младенчестве, отрочестве, зрелом возрасте, старости, но они так коротки, так быстротечны, как лучи солнца, пробивающиеся из-за туч и снова скрывающиеся.

Представим себе первый этап жизни — рождение человека. Та кратковременная радость, которую испытали родители, члены семьи, близкие о рождении человека вскоре сменяется многочисленными заботами о здоровье, воспитании ребенка, борьбой с непредвиденными болезнями. Чем старше ребенок, тем более сложный характер приобретает проблема воспитания, особенно в тех случаях, когда в семье отсутствует религиозное воспитание в духе православного учения, в результате чего во взаимоотношениях между родителями и детьми нередко назревает или открыто проявляется конфликт. В таких семьях дети часто прибегают к лжи, которая, как известно, омрачает их жизнь, наступают душевные переживания, тревоги, печаль, уныние, а это, в свою очередь, подчас приводит к трагическим случаям.

Но вот другой жизненный этап — зрелый возраст, когда человек, казалось бы, обретает полную независимость. Он вправе обрести семью, построить своего рода счастье в жизни. И действительно, некоторую удовлетворенность на короткое время получает человек, вступая в самостоятельную жизнь, а затем начинаются всевозможные жизненные трудности, потеря близких, конфликтные ситуации. Если и встречаем порой людей, которых жизнь словно балует, то это лишь призрак благополучия. При глубоком рассмотрении этого факта совершенно очевидно становится обратное. Часто в душе такого человека возникает и томление духа, овладевающее всем существом, и страсти, ослабляющие здоровье, красоту и мучения совести. Наконец, в зрелом возрасте, в период самостоятельной жизни, увеличиваются неизбежные заботы по обеспечению себя и своей семьи. К этому присоединяются еще нередко и заботы о престарелых родителях или больных членах семьи. Нередко жизнь человека превращается в борьбу даже за само существование. Таким образом, наступает время бремяношения или ношения своего жизненного креста. На плечи слабого и еще очень неопытного человека взваливается такая ноша, которая буквально придавливает его к земле, а земля эта между тем, несмотря на его труды, произрастает терния и волчцы, так что с печалью человек пользуется тем, что получает от Бога (Быт. 3, 17—19).

Не удается человеку и в более поздние годы достигнуть полного счастья, которое словно бы ускользает из-под самых его рук. Возраст старости — жите нескверно, но вместе с тем это и период различного рода болезней. Если спросить, о чем плачет страдающий человек, то он не колеблясь ответит: "Выздоровления желаю". Если же он здоров, то до последних дней продолжают его поиски славы, богатства, власти. Предположим, что он приобрел их — будет ли он вполне удовлетворен, вполне счастлив? Нет, он будет искать большего.

Жизнь человека, по Псалмопевцу, определяется в среднем семьюдесятью годами: "Дни лет наших, в нихже семьдесят лет, аще же в силах осьмдесят лет, и множае их труд и болезнь: яко прииде кротость на ны, и накажемся" (Пс. 89, 10).

Как ни странно, но при всех тяготах и неполной удовлетворенности жизнью мы не хотим уходить из этого мира. А когда приближается смерть, то появляется неестественное ожесточение и отчаяние, иногда же и просто болезнь ума. Такое нежелание умереть при всех невзгодах земной жизни есть не что иное, как вложенная Богом потребность жить и жить, жить без конца, жить вечно. Это стремление к бесконечной жизни предопределено самим Богом. Он, как искру, возжег в человеке жизнь, которая — как искра Божия — никогда в нём не угаснет.

Если же у человека столь сильно стремление жить, а жизнь между тем полна забот и печалей, то возникает вопрос: можно ли хотя в какой-то степени облегчить эту тяжелую участь человека? Ответ на этот вопрос не скрыт от нас. Тайну эту мы можем разгадать, если только будем внимательно присматриваться к жизни, а еще более — обращаться за ее разъяснениями к учению Христа, Который не только за человека испил всю чашу земных страданий, но и превознесся паче всех сынов человеческих (Филип. 2; 9).

Вот почему первая тайна земной жизни — любовь к Богу и всецелое упование на Него. "Возверзи на Господа печаль твою, — говорит Псалмопевец, — и Той ты препитаешь, не даст в век молвы праведнику" (Пс. 54, 23). Бог любви есть (1 Иоан. 4, 16). Вспомним из Священного Писания, почему святой Иоанн Богослов был возлюбленным учеником Господа? Да потому, что сам он пребывал в Боге и Бог был в нем. Всецелую любовь к Богу пронес он через всю свою жизнь; эта любовь помогла ему победить всякий страх и непоколебимо стоять на Голгофе при кресте Спасителя. О пребывании в любви Божией свидетельствует и св. апостол Павел: уже не я живу, но живет во мне Христос.

Отступаем мы от любви к Богу порой по своему произволению, забвению, нерадению, но Его Отеческая любовь посылает нам бедствия, болезни, желая отвести нас от пути неправды. Следовательно, мы не должны сетовать, роптать при тяжелых жизненных испытаниях, а благодарить за них Господа. Счастлив тот, кто в находящих бедствиях усматривает наказующую и вместе с тем любящую десницу Господа. Такое отношение к скорбям позволяет человеку идти по пути нравственного совершенствования. Поднимем же очи свои от земли к небу за Божией помощью, и она незримо снизойдет на нас. Тогда-то мы получим духовную силу мужественно нести свой крест, данный Богом в нашей земной жизни.

Вторая тайна земной жизни и Божией помощи связана с вопросом служения ближним. Облегчить свою жизнь мы сможем, если будем жить не только для себя, но и для других, то есть во имя Бога и ближних. Многие люди в тяжелые минуты своей жизни жестоко страдают. Именно они в этот момент как никогда, имеют нужду в соучастии и сострадании другого человека. Важно стяжать в себе сердце, горящее огнем любви Божественной и человеческой. Нужно, по Апостолу, духом гореть, Господеви работать... в молитве пребывать, радоваться с радующимися, и плакать с плачущими (Рим. 12, 11—17). Именно служение ближним должно быть самоотверженным, бескорыстным, потому что честь и блага земной жизни проходят как сон, как пылкая мечта. Любить добро, стремиться к жизни вечной — вот наша цель и духовная красота! А те, ради которых мы будем трудиться, всегда вспомнят о нас, и если не здесь на земле, то в день пришествия Сына Человеческого. А это, в свою оче-

редь, делает нашу жизнь не столь уже тяжелой и безотрадной, а, наоборот, она будет легкой и радостной. Жить для других — это долг любви. А любовь пребывает вовеки. Пребывающий же в любви — в Боге пребывает. Вот это и есть та благодатная сила, которая не мыслит зла и побуждает нас, по Апостолу, друг друга тяготы носить (Галат. 6, 2). И это надо делать во имя того, что Христос возлюбил нас прежде сложения мира. Во имя Иисуса Христа и ради близких людей нам будет легче нести труды и подвиги. Это третья тайна жизни.

Но, сказав об облегчении земной жизни, мы должны помнить, что счастье на земле бывает относительное. Оно в полной своей гармонии раскроется не только для праведников на небе. Это потому, что условия земли не соответствуют полноте человеческого счастья: жизнь на земле никогда не будет раем, как и земля не станет небом. Всегда и везде будут слышаться вздыхания, томления души и слезы. И это вполне закономерно, поскольку человек, хотя и сотворен из земли, но, как имеющий залог неба и образ Бога, он предназначен не для земли. На самом деле, отклик скорбных чувств, душевных переживаний был слышен даже из уст праведных мужей, угодивших Богу. Вот благочестивая старость жалуется и вопиет: "Дни мои яко сень уклонишася и аз яко сено изсох" (Пс. 101, 12). А вот въздыхает и не старость: "Дни лет наших, в нихже седьмдесят лет, аще же в силах, осьмдесят лет, и множае их труд и болезнь: яко прииде кротость на ны, и накажемся" (Пс. 89, 10). "...разсыпашася вся кости моя, бысть сердце мое яко воск, таяй посреде чрева моего" (Пс. 21, 15). "Скорби сердца моего умножишася..." (24, 17). "Яко исчез в болезни живот мой и лета моя в въздыхании, изнеможе нищетою крепость моя и кости моя смятошася. От всех враг моих бых поношение, и соседом моим зело, и страх знаемым моим..." (30, 11—12). "...скажи ми, Господи, кончину мою и число дней моих, кое есть? Да разумею, что лишаюся аз?" (38, 5).

Вслушиваясь в эти жалобы грешника и в въздыхания праведника, невольно чувствуешь, как земля поглощает человека и он нисходит в могилу, а дух его возвращается к Богу.

Однако важно помнить, что со смертью человека духовная жизнь его не прекращается. Наши слезы и скорбь об усопших не безутешны. Богодухновенный вещатель Христовой истины святой апостол Павел, имевший желание разрешиться от уз временной жизни и быть со Христом, писал: "не хочу вас, братие, не ведети о умерших, да не скорбите, якоже и прочии не имущии упования" (1 Фессалоник. 4, 13). Значит, и в скорбях, слезах есть для христианина утешение, и при виде гроба есть надежда на жизнеутверждающую силу. Фактически таких утешений можно найти немало. Одно представление покоя после трудов, борьбы и скорбей для усталого путника земли уже выглядит утешением. Смертный час усопшего примиряет его с ближними. Всякий злословающий язык умолкает при виде лежащего во гробе. И если при жизни окружающие люди склонны были видеть его недостатки, то у смертного одра все с ним примиряются и начинают вспоминать только доброе. Часто случается в жизни, что благочестивых людей оскорбляют, унижают, злословят, но после смерти делаются особенно явными только их добродетели. И если добродетельная жизнь возбуждала нередко завистливое со стороны других чувство, то после смерти и малое добро вызывает искреннюю благодарность. При жизни люди иногда злословили

даже и святых подвижников, осуждая их по своему легкомыслию, но по смерти они со слезами на глазах начинают удивляться их мужеству и терпению. А это, в свою очередь, является большим утешением для тех, которые были близки к почившему. Это происходит потому, что прежде, при жизни почившего, веял над ним дух греховного мира, а сейчас чувствуется веяние любви Христовой. Именно в этот момент, как никогда, дает о себе знать душа. И если бы человек почаще прислушивался к своей бессмертной душе, то ему было бы легче встретить смерть, которая, согласно молитвам Церкви, должна быть безболезненной, непостыдной и мирной... Для того, чтобы умирающий имел спокойную совесть, чистое сердце и непорочную душу, необходимо благовременное размышление о смертном часе и подготовка к нему в течение всей жизни. Всякий, свято проживший свою земную жизнь и приготовивший душу свою к часу смерти, может надеяться не только на помилование, но и на приобретение нетленной жизни в обителях Отца Небесного. Вот почему, как завещание всему христианскому миру, звучат, проникнутые любовью и заботой о спасении каждого человека, слова святителя Тихона Задонского: "Ныне моли Его (Бога. — А. И.), пока время дает тебе; ныне исправляйся, пока время благоприятно и день спасения; ныне плачи, пока полезны слезы, ныне кайся, пока Он примет кающихся" ¹ (Указ. соч. св. Тихона, т. 2, стр. 247.).

Однако как бы ни старался христианин подготовиться к вечности, после смерти он нуждается в помощи Церкви, которая своими молитвами и песнопениями помогает почившему и ходатайствует за него перед Богом о помиловании. Особенно большую помощь умершему оказывает приносимая за его душу бескровная жертва. Именно посредством искупительной жертвы Христовой душа умершего обретает утешение, облегчение и успокоение. Свидетельство тому — разрешительная молитва, которую священнослужитель читает у гроба и текст которой, в знак помилования, влагается в руку умершего. И если христианин сподобится принять перед своей кончиной Святые Тайны, то его душа, по мысли св. Иоанна Златоуста, возносится горе к Престолу Всевышнего даже тогда, когда этот человек не принес плодов достойных покаяния.

Таким образом, если жизнь человека, с его радостями и печальми, славой и бесчестьем, окутана таинственностью, то тем более смерть является величайшей тайной. Мы не должны этому удивляться, ибо после внимательного рассмотрения увидим, что человек представляет смешение противоположностей добра и зла, является ареной борьбы между тем и другим. С этим человек ложится в гроб и переходит в ту жизнь, где не только нет борьбы, но где нет и покаяния. За гробом вступает в силу суд Бога и совести. Там лишь развивается и растет то, что здесь посеяно. И уже не сам человек, а ближние его, оставшиеся на земле, могут содействовать развитию и укреплению в его душе добра и приближению к Богу как своими частными молитвами, так и, конечно, молитвами всей Церкви. Если воскресший Спаситель не постыдился назвать своих учеников братиею своею: "Иди ко братии Моей" (Иоан. XX, 17), то как можем мы, ежедневно обращая свои молитвенные взоры к Воскресшему Спасителю, забыть, что все люди братья, а, следовательно, с братской любовью нужно молиться за живых и усопших.

Молитвы Церкви и частные молитвы христиан способны известить душу усопшего из места тьмы и терзаний, являясь истинным утешением

для плачущих и болезнующих. Это — новая тайна, которая нам непостижима и которая воспринимается посредством нашего внутреннего опыта. Особенно это чувствуется явно в молитве у гроба, когда невольно отрешаясь от земли и почерпаясь облегчение гнетущей скорби. Об этой тайне нам говорят наша вера и Церковь, заповедующая совершать поминовения об умерших. Эта тайна молитвы не есть тайна только земной церкви, то есть людей, живущих на земле и за умерших молящихся, но и Церкви небесной, то есть отшедших в иную жизнь и предстоящих престолу Божию. Члены Небесной Церкви в своих молитвах не оставляют нас. Об этом свидетельствовал апостол Петр: "потшусяже и всегда имети вас по моему исходе память о сих творити" (2. Петр. 1, 15). Эти молитвы святых, несомненно, действительнее наших. В этом молитвенном взаимодействии — новое утешение, так как оно показывает, что перед Богом все живы и все составляют единое тело Церкви Христовой.

Есть и еще последняя тайна смерти, тайна исключительно веры Христовой, ибо этой верой человек видит будущее, как бы настоящее. Эта тайна заключается в том, что для истинных рабов Христовых собственно и нет смерти, а есть только "отложение телесе" (2. Петр. 1, 14), "время отшествия" (2. Тимоф. 4, 6), "представление от сея привременныя жизни на упокоение", и не только на упокоение, сну подобное, но и на "радость" жизни вечной, жизни спокойной, безмятежной и счастливой.

Счастлив по смерти тот, кто нес скорби в земной жизни безропотно; при всех тяжелых испытаниях не только не падал духом, не унывал, как часто случается в подобных обстоятельствах, но еще больше укреплялся в любви к Богу и ближним, становился все тверже и тверже, памятуя, что на все воля Божия. Такой человек может с дерзновением сказать: Господи, возвеселихомся за дни, в няже смирил ны еси, лета, в няже видехом злая (Псал. 89, 15). Счастлив по смерти тот, кто жил на земле для Бога и ближних, кто с глубоким сердечным покаянием, с молитвой на устах оканчивает земной жизненный путь. Они непременно услышат слова Господа: Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии и аз упокою вы (Матф. XI, 28).

В один определенный час придет то время, когда находящиеся в гробах "услышат глас Сына Божия и услышавши оживут" (Ин. 5, 25, 28) и встанут в том же теле, только измененном: не в немощном, а в сильном, не в бесчестном, а в славном, не в душевном, а в духовном (1 Коринф. 15, 43). "Подобает бо тленному сему облещися в нетление, и мертвенному сему облещися в бессмертие... тогда будет слово написанное: пожерта бысть смерть победою" (1 Коринф. 15, 53—54).

Когда и как это совершится, какое это будет "духовное" тело, мы узнаем об этом после второго Христова пришествия. Это тайна Божия и разум человека не может ее постигнуть. Достаточно нам знать, что Господь, сотворивший человека для жизни, уготовал верующим в Него те блага, которые находятся во свете лица Его. Но это блаженство сможет получить только тот, кто в этой жизни очистит свое сердце и будет служить Богу правдой и истиной во все дни жизни своей. Именно для таковых последователей Христовых будет открыта дверь спасительного ковчега Царствия Небесного.